

УДК 811.161.1'373.611'42

НЕОФЕМИНИТИВЫ В СМИ И ИНТЕРНЕТЕ: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л. А. Козловская

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, tpzkozl@gmail.com*

В соответствии с заявленной темой в настоящей статье описываются точечные окказиональные дериваты из разряда феминитивов. На материале текстов средств массовой информации и сетевых источников интернета показана коммуникативно-прагматическая специфика неофеминитивов. В проблемном аспекте затронуты вопросы, связанные с эмоционально-оценочной окраской последних, а также перспективами их узуализации.

Ключевые слова: гендер; гендерная лингвистика; маскулинитивы; феминитивы; неофеминитивы.

NEW FEMINIZING NOUNS IN THE MEDIA AND INTERNET: COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC ASPECT

L. A. Kozlovskaja

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, tpzkozl@gmail.com*

The article describes occasionally used derivatives from the category of feminizing nouns. The communicative and pragmatic specificity of these new feminizing nouns is shown based on the material of texts from the media and network sources on the Internet. The study focuses on the problematic aspect of issues related to the emotional coloring of the nouns in question, as well as the prospects for their conceptualization.

Keywords: gender; gender linguistics; masculinitives; feminizing nouns; new feminizing nouns.

Истоки исследовательского интереса к проблематике функционирования феминитивов, в том числе к связанным с ними деривационным процессам, лежат в плоскости гендерной лингвистики. В диахроническом аспекте в изучении этого направления принято поэтапно выделять биологический детерминизм, переходный период и собственно гендерные исследования.

Биологический род как фактор, напрямую влияющий на грамматический род, впервые начал осмысливаться еще в античные времена. На протяжении долгого времени в лингвистике господствовала символично-

семантическая гипотеза о причинах появления и функционировании в языке категории рода. Данная гипотеза основывалась на соотнесении грамматического и биологического полов. Мыслители, придерживающиеся этой гипотезы, среди которых были И. Гердер, В. Гримм, В. Гумбольдт, считали, что грамматический род как категория возник на основании известной биологической данности – принадлежности каждого человека к женскому либо мужскому полу. Со временем данная гипотеза объяснения категории рода в языке была вытеснена морфологической и синтаксической гипотезами, однако неизменным оставалось признание того, что категория рода все же может влиять на восприятие слов и понятий носителями языка. Так, персонификация приписывает объектам, обозначаемым словами женского рода, свойства лиц женского пола, а объектам среднего и мужского рода – свойства лиц мужского пола.

Исследования гендерного фактора в период биологического детерминизма в большинстве случаев носили описательный характер и имели биологический подход к изучению языков. Исходной позицией исследователей были предопределенные природой различия в когнитивных и в целом в интеллектуальных способностях мужчин и женщин. Соотношение пола, образования, культуры, возраста не рассматривалось. Природная обусловленность стала исходным пунктом интерпретации признаков полового диморфизма в языке и речи [1, с. 231].

Во второй половине XX в. гендерные исследования значительно активизировались в сравнении с предыдущими десятилетиями, что объяснялось как изменениями в научной парадигме (в 60-х – 70-х гг. XX в. происходил переход от структурализма к прагматике), так и изменениями в социальной жизни общества, в частности формированием постмодернистской теории познания и распространением идей феминизма. Именно в этот период в лингвистике появилось несколько лингвистических направлений, которые различались по концептуальным установкам, методам исследования и характеру изучаемого материала. Следует, однако, отметить, что данные направления имели множество точек соприкосновения, а потому их дифференциация носит в некоторой мере условный характер. Таким образом, выделяются следующие направления:

- лингвокультурологические исследования, включая гипотезу гендерных субкультур;
- собственно гендерные исследования;
- социолингвистические гендерные исследования;
- феминистская лингвистика;
- исследование маскулинности;

- психолингвистическое изучение пола, смыкающееся в последнее время с нейролингвистикой (сюда же относится биодетерминизм);
- исследование детской речи и др. [2, с. 45].

В указанных направлениях с разных точек зрения рассматриваются и иные вопросы, в частности значение гендерного фактора в языке (различия в использовании мужчинами и женщинами системы номинаций, синтаксиса, лексикона и др.); различия в речевом поведении мужчин и женщин, а именно стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации и др.

В 1960–1970-х гг. XX в. гендерные исследования в языке получили мощнейший толчок к развитию, вызванный так называемым Новым женским движением в США и Германии, в результате чего в языкознании возникло своеобразное направление, названное феминистской лингвистикой, или феминистской критикой языка. Язык при этом был обвинен в сексизме – дискриминации по признаку пола, которой подвергаются женщины. Дискриминация выражается, например, в: преобладании мужских форм в языке, вторичности и объектности женщин, совпадении во многих языках понятий *человек* и *мужчина*, преобладании в обозначениях женщин негативных оценок и др. В основе подобных рассуждений лежала гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа: язык структурирует и направляет мышление, поэтому сознание человека в значительной мере определяется особенностями языка. При этом феминистская лингвистика предложила многочисленные рекомендации по реформированию языка.

В настоящее время заметно активизировался исследовательский интерес к феминитивным формам в разных языках, особенно в тех, где наблюдается их лакуарность на фоне широкого распространения маскулинов. К таким языкам относятся, в частности, русский, белорусский и др. Исследуя модели деривации, специалисты чаще всего приводят примеры феминитивов, образованных при помощи суффиксов *-к-*, *-есс-*, *-ин-*, *-иц-*. В общелитературном языке при помощи суффикса *-к-* образуются чаще катойконимы и этнонимы: соответственно обозначения женщин – жительниц различных населенных пунктов (*москвичка*, *горожанка*, *селянка* и др.), женщин – представительниц различных этносов и национальностей (*россиянка*, *азиатка*, *англичанка* и др.) и примыкающие к подобным названиям обозначения последовательниц разных религий (*христианка*, *буддистка*, *протестантка* и др.). Такие номинации в основном стилистически нейтральны, известны большинству членов языкового сообщества, закреплены в словарях и не вызывают споров. Возникающие общественные дискуссии по поводу обозначения женщин не коснулись этих видов феминитивов, а затронули прежде всего неомаскулины, к

которым в первую очередь принято относить названия женщин по профессии (*редакторка, терапевтка, иллюстраторка, фотографиня, врачиха, пожарная* и др.), по должности (*деканесса*) и по роду деятельности (*геймерка, реперка* и др.) [3, с. 2605].

Потребностью в акцентировании женской субъектности обусловлено активное появление (преимущественно в рамках неформальной коммуникации) неофеминитивов – окказиональных дериватов, заполняющих отсутствие нормированных феминитивов. Для наблюдения за данным языковым явлением из текстов средств массовой информации и сетевых источников интернета (ВКонтакте, Инстаграм и др.) методом случайной выборки нами было извлечено 109 неофеминитивов. В сформированном блоке примеров наиболее частотными оказались неофеминитивы, обозначающие женщин по профессии, такие как: *филологиня, филологесса, лингвистка, хирургиня, поварка, баристка* и др. Например (орфография и пунктуация сохранены):

Впрочем, распуганные истерически ржущими филологинями людишки (куда им до нас, человекобогов) с нами могут и не согласиться: пройдите мимо и простите нам наше счастье.

Лингвистка набрала уж было воздуха, чтобы обдать всех новым потоком своей гениальности, но взгляд ее зацепился за нечто.

«На фига тебе машина?» – Жалоб нет? – спрашивает хирургиня. – Нет, – честно смотрю ей в глаза.

Поссорилась со знакомой (убежденной «феминисткой») из-за того, что она все время говорит о себе «поварка», Да черт возьми, поварка – это оскорбление моих филологических чувств!

Контекстуальная специфика приведенных реплик позволяет согласиться с Е. А. Земской в том, что появление подобных неодериватов служит подтверждением влияния на деривационные процессы так называемой игровой функции словообразования. Игровая функция выполняет номинативную роль (игровое слово непременно именует что-либо), но в ней присутствует особое намерение говорящего – поиграть с формой речи, причем эта игра может быть и безобидной шуткой, и острой насмешкой, и злой иронией, и едким сарказмом [4, с. 186–193]. Так, ироничной эмоциональной окраски не лишено использование неофеминитивов, обозначающих женщин по должности и роду деятельности (*авторка, менеджерка, блогерка, лекторша, преподаша, командирша* и др.), например:

Ну у нас ведь главная проблема в том, что авторки оскорблены, а не в том что глобальное потепление на носу.

Я спросила у менеджерки, а как бы ей понравилось, если бы про нее такое «пошутили»?

Лекторша обманом вынудила всех прийти на свою фантастически нудную лекцию.

И пусть эта *преподиша* выпутается из этой ситуации, раз уж она такая умная.

«Будьте спокойны, не задирайтесь, – поучала *командириша*. – Если кто будет приставать, то в морду дать, если будет нужно – давайте без всякого стеснения.

Поверхностный в рамках данного эпизода исследований взгляд на предпочтительность деривационных средств при образовании неофеминитивов позволил обнаружить следующую суффиксальную иерархию:

-к(а) – (45 единиц) *Душевная жиличка*, полдня просидела, пила чай, говорила о бабьей доле;

-ш(а) – (26 единиц) *Гидиша* в Сингапуре перед группой русских туристов в автобусе хвасталась чёртовым колесом: мол, оно спроектировано и поставлено по фей-шую – всегда вращается по солнцу!;

-ин(я) – (14 единиц) *Я не согласна с Другиней*, пишущей в конце этого поста: «Кто виноват?»;

-есс(а) – (12 единиц) Единственной влиятельной *политикессой* в рассмотренных фильмах была Маргарет Тэтчер в «Железной леди»;

-их(а) – (7 единиц) Уже сами по себе какие-то искусственно введённые квоты и ограничения – например, квота для женщин в парламент, которой добиваются *борчихи* за права женщин –свидетельствуют о том, что естественным путём за женщин не голосуют сами же женщины!;

-иц(а) – (5 единиц) Хорошо известная гвардия во главе с вышедшей из сферы ЖКХ *пиарщицей* взялась за дело с большим энтузиазмом.

Коммуникативно-прагматический анализ неофеминитивов, извлечённых из источников неформальной коммуникации, позволяет сделать следующие выводы:

появление окказиональных дериватов (неофеминитивов) обусловлено функциональной потребностью в заполнении лакун соответствующих нормативных лексем;

подавляющее большинство неофеминитивов являются результатом демонстрации речетворческих способностей коммуникантов с целью акцентирования эмоционально-оценочной составляющей высказывания с акцентом на ироничное, как минимум, отношение к объекту обозначения;

неофеминитивы являются неотъемлемой частью неформальной коммуникации (вне зависимости от расхожего в целом негативного к ним отношения) и при условии достаточной степени распространения могут становиться фактами языка.

Библиографические ссылки

1. *Кирилина А. В.* Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык / Московский государственный лингвистический университет, Лаборатория гендерных исследований. М. : Языки славянской культуры, 2005.
2. *Кирилина А. В.* Гендер: Лингвистические аспекты. М. : Институт социологии РАН, 1999.
3. *Буторина Е. П.* Феминитивы в узусе новых медиа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Выпуск 8. С. 2600–2604.
4. *Земская Е. А.* Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 186–193.